

Мне говорил Габриэль Гарсиа Маркес

Телеграфные агентства разнесли по миру сообщение о том, что патриарх латиноамериканской литературы, лауреат Нобелевской премии Габриэль Гарсиа Маркес опубликовал свой новый роман. Роман о колумбийской мафии. И всплыло юриказаконское: "Писатель должен быть мужествен, потому что жизнь его тяжела".

Габриэль Гарсиа Маркес — один из шестнадцати детей скромного телеграфиста из затерянного в низовьях колумбийской реки Магдалены бананового местечка Аракатаки. В восемнадцать лет стал газетным репортером, объездил всю Колумбию. Позже писатель вспоминал, что в этих поездках он открыл для себя не только радость познания искренних и чистых людей, но и то, что иные не любят видеть во имя собственного удобства: как одни обогащались, а другие морально деградировали, как много вокруг насилия, религиозного фарисейства, демагогии. Еще в пятидесятых годах резкая критика, выходящая из-под пера молодого журналиста, вызвала недовольство тогдашнего военного диктатора Колумбии, и Маркес был вынужден покинуть родину. Он становится постоянным корреспондентом газеты "Эспектадор" в Риме, а потом в Париже. В 1957 году он приезжает в Советский Союз на Всемирный фестиваль молодежи и студентов. После победы кастровской революции на Кубе Г.Г. Маркес едва ли не первым рассказал о том, как все происходило на самом деле.

Всемирную известность писателю принесли его художественные вещи "Осень патриарха" и "Сто лет одиночества". Летом 1987 года на волне всемирной славы писатель прилетает в Москву. В Кремле его принимает Михаил Горбачев. Сразу же после столь высокой аудиенции мне удалось получить именитого гостя в журнал "Огонек", где я тогда работал. Последние переговоры велись в мраморном зале Центрального Дома кино. Виртуозы Владимира Спивакова настраивали свои инструменты, от обилия звезд и знаменитостей со всего света кружилась голова, ждали самого-самого...

— Сколько человек будет участвовать в беседе? — спросил меня Маркес, протягивая руку мексиканскому послу.

— Двое, — сказал я, — главный редактор журнала и корреспондент отдела литературы.

— Мало!

— Тогда мы хотели бы пригласить на встречу всю редакцию — около ста сотрудников.

Маркес на секунду задумался и решительно заключил:

— Десять человек.

Несколько раз я встречался с Габриэлем Гарсиа Маркесом. Расшифрованные разговоры после публикаций задвигались на дно архива. Я заглянул в них. И увидел неагрессивного, мудрого, взвешенного человека. Мастера слова, к которому прислушивается мир.

Феликс МЕДВЕДЕВ.

Об одиночестве

— Вы спрашиваете об одиночестве... Я не знаю, существует ли оно в моем творчестве, но я знаю, что оно существует в писателе. Потому что когда писатель садится за стол, то ему уже никто не может помочь, ни один человек, никто, никто... Он остается один на один с белым чистым листом бумаги, и это и есть одиночество. В момент истины человек одинок.

О критиках

— Я стараюсь не читать критику на мои книги. Почему? Потому что если это плохая критика, то читать ее не стоит. А если это хорошая критика, то она может воздействовать на тебя, навязать тебе свою точку зрения. Однажды давно, когда я еще интересовался мнением о своих книгах, я прочел статью об одном из своих рассказов. Прочитал и поверил рецензенту, а потом, когда я писал роман "Сто лет одиночества", я почувствовал, что мой герой получается таким, каким хотел бы его видеть тот критик. И с той поры я не читаю критических статей.

Я спросил писателя, почему он, дав однажды слово не писать ничего, кроме политической публицистики, пока не падет режим Пиночета, нарушил публичное обещание.

— Я действительно сказал, что ничего не напишу, пока Пиночет будет у власти. Со временем я понял, что если не буду ничего писать, то просто разучусь это делать. И тогда это будет лишь на руку Пиночету. Жизнь писателя полна поражений. Но для меня важнее выиграть последнее, заключительное сражение, чем некое промежуточное.

О семье

...Заговорили о семье, о детях:

— Мой старший сын кинооператор, второй — дизайнер. Оба они унаследовали творческие возможности отца, но применили их в более практической сфере. Они вообще более практичны — в маму, наверное...

Нет, на выбор их жизненного пути мы не влияли. Прежде всего есть генетические предрасположенности, которых мы, естественным образом, избежать не могли. Мы всегда старались влиять на своих детей. Вы знаете, мы старались влиять на них еще и потому, что им всегда было довольно трудно жить из-за их отца. Старший сын, например, учился в Гарвардском университете. И вот за все годы учебы он старался, чтобы как можно меньше из его окружения людей знали о том, кто он такой. Кто его отец. Но вместе с тем существовали влияния, которые были неизбежны. Атмосфера дома, например. Ведь дети помнят, как играли они с Пабло Нерудой, Хулио Кортасаром, Карлосом Фуэнтесом... Им, конечно, не забыть этих встреч и разговоров.

А сегодня они во всех комнатах слушают рок-музыку, молодежные современные ритмы. Слушают так громко, что я тоже вынужден слушать. И они таким образом влияют на меня. Правда, когда я слушаю классическую музыку, музыку великих композиторов, я тоже очень громко включаю динамики. И таким образом, — Маркес улыбается, — они любят и то, и другое.

Все мы находимся в потоке культуры, который нас, пока за тыщи лет до нас,

и нужно воспользоваться тем лучшим, что зародилось на этом долгом пути. Но в то же время каждый должен найти в себе смелость, чтобы независимо войти в этот поток.

О России и Колумбии

— Я боюсь, что проблема воспитания хорошего человека — это проблема постановки обучения во всех странах. Эти проблемы меня занимают. Здесь я хочу заметить, что в моей жизни были моменты, когда я чувствовал необходимость в познании русского языка. И самый первый раз это было тогда, когда я читал Достоевского и понимал, какой плохой перевод мне попался.

Ваша страна является страной, где мои книги издаются чаще всего, включая, кстати, и испаноязычные страны. Я очень доволен. Но... я за них ничего не получил. Как же так? Поймите правильно, я зарабатываю вполне достаточно, чтобы жить и делать то, что мне нравится. И меня преследуют не меркантильные побуждения. Но ваша система компенсации за литературный труд несправедлива.

Кстати, вы заплатите мне за это интервью?

Я немного теряюсь, "холодок бежит за ворот", но переводчик мгновенно все ставит на свои места и объясняет, что Маркес шутит.

Во время одного из интервью, когда я бросил взгляд на часы, ибо подходило к концу время, ответное деление разговора, а вопросы к собеседнику не иссякали, Маркес заметил мое волнение и одернул меня:

— Что вы нервничаете? Что вы тут все нервные какие-то? Куда вы так спешите? Я все равно уже опоздал на встречу со своей женой и на дипломатический раут. Что у вас там еще? Только не политические вопросы.

Маркес перевернул кассету в своем миниатюрном магнитофоне — параллельно со мной он записывал всю нашу беседу. Отпил кофе, который явно остыл, — Маркес, забыв обо всем на свете, горячо говорил о волнующих его проблемах.

— У нас происходит опустошение колумбийских деревень. Люди бегут в город. Страна совершенно изменилась Во-первых, потому что начисто опустела сельская местность. Опустела из-за привлекательности городской жизни и из-за того, что в колумбийской деревне ведется ожесточенная война. Эта война — социальная борьба между бедным крестьянством и крупными землевладельцами, отсюда трагический исход. Сельскохозяйственный продукци становится все меньше и меньше. В городах чудовищная перенаселенность. Люди, пришедшие

из деревни, без работы превращаются в нищих, в преступников, в наркоманов.

Я думаю, что между капитализмом и социализмом должно быть что-то общее, но все-таки не это, не это...

О писательстве

— Я не делаю секрета из того, что в творческой работе всю пользуюсь компьютером. Компьютеры завоевывают весь мир. Поэтому честно скажу: если бы я раньше придавал значение роли компьютеров, я написал бы намного больше.

Было время, когда я думал, что пишу свои книги для интеллектуалов, для профессиональных, если можно так выразиться, читателей. Но оказалось, что книги мои читают даже малограмотные люди, каких и по сей день немало в моих родных местах. И когда я спрашивал их мнение о написанном, они отвечали мне, что все это очень плохо, что они могут рассказать историю получше. И действительно рассказывали.

Так о чем же книги всемирного патриарха слова? Вот одноабзачный пересказ не так давно вышедшей книги. Герои романа полюбили друг друга, когда были еще совсем молодыми. Им помешали пожениться, их разлучили. Надолго. Десятилетия спустя уже престарелыми людьми им удается соединиться вновь. Счастье улыбнулось запоздало. Но кто знает, сколько каждого из них осталось жить? И какое из ощущений сильнее — счастья или неумолимо приближающейся смерти? Глубокий психологизм и сквозящая в каждой строке убежденность автора в том, что старость — всего лишь один из этапов жизни, но ни в коем случае не ее затухание.

— Ностальгия — опасная ловушка, но только тогда понимаешь, что главное — прожить не зря и сделать жизнь для людей лучше.

— Господин Маркес, где-то я прочитал о таком эпизоде из вашей творческой биографии: когда вы закончили повесть "Полковнику никто не пишет" и "убили" главного героя Буэндиа, вы подошли к вашей жене Мерседес, и жена по вашему лицу поняла, что с полковником покончено, что он убит. После этого вы два часа плакали. Для вас это и впрямь была большая трагедия?

— Признаться, я часто плачу. Запираюсь в своей комнате и, чтобы не видела жена, плачу... Я очень сентиментальный человек.

На снимке: Габриэль Гарсиа Маркес подписывает книгу автору этих строк. Угу, автор в кадр не вошла...

Клуб знаменитостей